

§ III. Средства защиты от губительного влияния машин

Сокращение рабочей силы — это синоним снижения цен, следовательно, увеличения торговли; поскольку, если потребитель платит меньше, он будет покупать больше.

Но сокращение рабочей силы также является синонимом ограничения рынка; так как если производитель зарабатывает меньше, он будет покупать меньше. И так действительно все происходит. Концентрация сил в цеху и интервенция капитала в производство под именем машин порождают и перепроизводство, и разорение; и все видели, как эти два бедствия, более страшные, чем пожар и чума, возрастают в наши дни в самых широких масштабах и с всепоглощающей интенсивностью. Однако отступать нельзя: надо производить, производить всегда, производить дешево; без этого существование общества скомпрометировано. Рабочий, чтобы избежать отупения, которым ему грозил принцип разделения, создал так много замечательных машин, оказывается посредством своих собственных произведений или бесправным, или поработанным. Какие средства предлагаются против такой альтернативы?

Г-н де Сисмонди, как и все носители патриархальных идей, хотел бы, чтобы разделение труда вместе с машинами и фабриками было прекращено, и чтобы каждая семья вернулась к системе первобытного обобществления, то есть *каждый у себя, каждый для себя*, в самом буквальном смысле этого слова. — Это регресс, это невозможно.

Г-н Бланки возвращается, с напряжением, со своим планом участия рабочего и использования командитных товариществ к пользе коллективного работника, всех отраслей промышленности. — Я показал, что этот проект скомпрометировал общественное благосостояние, без значительного улучшения судьбы рабочих; и сам г-н Бланки, по-видимому, присоединился к этому настроению. Как примирить, в самом деле, это участие рабочего в прибыли с правами изобретателей, предпринимателей и капиталистов, в котором одни отягощены авансированием, а также долгими и терпеливыми усилиями; другие постоянно лишь оперируют нажитым состоянием и рискуют предприятиями; а третьи не могли бы вынести снижения процентной ставки, не потеряв при этом своих сбережений? Как можно, одним словом, добиться того равенства, которое хотелось бы установить между рабочими и хозяевами, с той предубежденностью, которую нельзя отнять у глав предприятий, заказчиков и изобретателей и которая так явно подразумевает для них исключительное присвоение прибыли? Постановить законом допуск всех рабочих к

распределению прибыли означало бы анонсировать роспуск общества: все экономисты так хорошо это почувствовали, что в конце концов окончили нравоучением для хозяев, которое изначально было для них проектом. Так вот, до тех пор, пока работник не будет получать прибыль, которую для него соизволит выделять предприниматель, он сможет рассчитывать только на вечную нужду: это не во власти собственников, как бы то ни было.

В остальном идея, притом весьма похвальная, ассоциирования рабочих с предпринимателями стремится к этому коммунистическому выводу, явно ошибочному в своих предпосылках: последнее слово машин — сделать человека богатым и счастливым без необходимости работать. Тогда как природные средства должны все делать для нас, машины должны принадлежать государству, а целью прогресса должно быть сообщество.

Изучим, в свою очередь, коммунистическую теорию.

Но я считаю своим долгом прямо сейчас предупредить сторонников этой утопии, что надежда, которую они возлагают на машины, — всего лишь иллюзия экономистов, что-то вроде вечного двигателя, который мы всегда ищем и не находим, потому что требуем его от того, кто не может его дать. Машин не работают сами по себе: чтобы поддерживать их работу, нужно организовать их огромное обслуживание; настолько, что в конце концов человек создает для себя еще одно дело, поскольку он окружает себя большим количеством инструментов, а большое дело вокруг машин обеспечивает куда меньшую возможность разделить их продукцию, чем необходимость обеспечивать их работу, то есть безостановочно поддерживать двигатель. Но этот двигатель — не воздух, вода, пар, электричество; это работа, то есть механизм рынка сбыта.

Железная дорога подавляет по всей линии, по которой она проходит, шорников, сельчан, возчиков, трактирщиков: я улавливаю факт в момент сооружения дороги. Предположим, что государство в качестве меры сохранения или принципа компенсации делает производителей, деклассированных железной дорогой, владельцами или эксплуататорами пути: цена перевозки, как я предполагаю, будет снижена на 25 процентов (без этого к чему железная дорога?); доходы всех этих производителей, вместе взятых, окажутся уменьшенными на равную сумму, что заставляет сказать, что четверть людей, живших до этого от перевозок, окажутся, несмотря на государственное обеспечение, буквально без источников существования. Для преодоления дефицита у них остается только надежда: на то, что объем перевозок на линии увеличится на 25 процентов, или на то, что они найдут работу в других промышленных категориях; что прежде всего кажется невозможным, поскольку как предположительно, так и фактически рабочие места заполнены повсюду, что везде сохраняется пропорция, и что предложение удовлетворяет спрос.

Все-таки, если желать увеличения объема перевозок, необходим всплеск роста в других отраслях. Однако, если допустить, что деклассированные рабочие нанимаются на работу по этому перепроизводству, что их распределение по различным категориям труда столь же легко выполнять, как это предписывает теория, то и этого будет недостаточно. Потому что, поскольку персонал пути в производстве в количестве 100 равен 1,000, то, чтобы получить, со стоимостью перевозки на четверть дешевле, иными словами, на четверть мощнее тот же доход, что и раньше, нужно будет и производство увеличить на четверть, то есть добавить к

сельскохозяйственному и промышленному «ополчению» не 25 — цифру, указывающую на пропорциональность отрасли перевозок, а 250. Но чтобы прийти к такому результату, нужно будет создавать машины, создавать, что еще хуже, людей: что бесконечно возвращает вопрос к одной и той же точке. Таким образом, противоречие на противоречии: это уже не просто работа, которая с использованием машины создает проблему человеку; это еще и человек, который своей количественной и потребительской недостаточностью создает проблему машинам: так что, пока не установится равновесие, существует одновременно и недостаток работы, и недостаток рабочих рук, и недостаток продуктов, и недостаток сбыта. И то, что мы говорим о железной дороге, верно для всех отраслей: всегда человек и машина следуют друг за другом, не давая ни первому прийти к покою, ни второму удовлетвориться.

Каким бы ни был прогресс механики, тогда, когда мы изобретаем машины в сто раз более изумительные, чем мул-дженни, ткацкий станок, пресс цилиндра; когда мы обнаруживаем силы в сто раз более мощные, чем пар: далеко от освобождения человечества, создания досуга и производства всего безвозмездного, мы только умножаем труд, провоцируем рост населения, увеличиваем рабство, делаем жизнь все дороже и выкапываем пропасть, которая отделяет класс, который командует и наслаждается, от класса, который подчиняется и страдает.

Давайте теперь предположим, что все эти трудности преодолены; давайте предположим, что рабочих, потерявших работу с появлением железной дороги, будет достаточно для исполнения услуг, которые требуются для поддержания мощности локомотива, компенсация осуществляется без разрывов, никто не пострадает; напротив, благосостояние каждого увеличится на долю прибыли, получаемой от железнодорожных перевозок. Кто тогда, спросят меня, препятствует тому, чтобы вещи происходили с такой регулярностью и определенностью? И что может быть проще для разумного правительства, чем управлять всеми переходными процессами в промышленности таким образом?

Я выдвинул эту гипотезу как можно глубже, чтобы показать, с одной стороны, цель, к которой движется человечество; с другой стороны, трудности, которые оно должно преодолеть, чтобы достичь этого. Конечно, провиденциальный порядок состоит в том, что прогресс, насколько это касается машин, достигается так, как я только что сказал: но то, что связывает прогресс общества и заставляет его переходить от Харибды к Сцилле, заключается именно в том, что оно не организовано. Мы достигли только второй фазы его эволюции и уже встретили на своем пути две пропасти, которые кажутся непреодолимыми, — разделение труда и машины. Как сделать так, чтобы рабочий в условиях разделенного труда, если он разумный человек, не оглуплялся; а если он уже поглупел, возвратился бы к разумной жизни? Как, во-вторых, сформировать среди рабочих эту солидарность интересов, без которой промышленный прогресс измеряет свои шаги катастрофами, в то время как эти самые рабочие глубоко разделены трудом, заработной платой, разумом и свободой, то есть эгоизмом? Как, наконец, можно примирить то, что достигнутый прогресс сделал непримиримым? Обращение к сообществу и братству означало бы предвосхищать периоды: нет ничего общего, не может быть никакого братства между существами, такими, какими их сделало разделение труда и обслуживание машин. По крайней мере, на этой стороне мы не должны искать решения.

Ну ладно! — будет сказано, — так как зло заключается больше в разумах, чем в системе, давайте вернемся к обучению, давайте работать для просвещения людей.

Для того чтобы обучение принесло пользу, а также чтобы его можно было получить, прежде всего необходимо, чтобы учащийся был свободен — так же, как перед тем, как засеять землю, плуг избавляют от шипов и пырьев. Кроме того, лучшей системой образования, в том числе с точки зрения философии и морали, была бы система профессионального образования: иначе как возможно совместить образование с разделением труда и обслуживанием машин? Как человек, ставший в результате своего труда рабом, то есть предметом мебели, вещь, сможет возвратиться с помощью такого же труда, продолжением того же упражнения, личностью? Как можно не замечать, что эти идеи противоречивы, и что если пролетариат сможет достичь определенной степени развития, он сначала использует его, чтобы революционизировать общество и изменить все гражданские и промышленные отношения? И то, что я говорю, не является пустым преувеличением. Рабочий класс в Париже и в больших городах наполнен этими идеями уже лет двадцать пять; тогда скажите мне, что этот класс не является решительно, энергически революционным! И он будет становиться таким все более и более по мере того, как он обретает идеи справедливости и порядка, особенно когда он осознает механизм собственности.

Язык, — прошу разрешения вернуться еще раз к этимологии, — мне кажется, что язык ясно выразил моральное состояние рабочего после того, как он был, если позволено так сказать, обезличен промышленностью. На латыни идея рабства подразумевает идею подчинения человека вещам; и когда позже феодальный закон объявил крепостного *прикрепленным к земле*, он только перефразировал буквальное значение слова *servus* [169]. Поэтому самопроизвольный разум, оракул неизбежности, приговорил подчиненного работника до того, как наука установила свою непригодность. Что могут после этого благотворительные усилия для существ, которых Провидение отвергло?

Труд — это воспитание нашей свободы. У древних было глубокое чувство этой истины, когда они отличали рабское искусство от свободного. Потому что какая профессия — такие идеи; какие идеи — такие манеры. Все в рабстве приобретает характер унижения — привычки, вкусы, склонности, чувства, удовольствия: в нем есть всеобщее ниспровержение. Позаботьтесь об образовании бедных классов! Но это означает создать в этих вырожденных душах самый отвратительный антагонизм; это означает вдохновить их идеями, которые сделают рабочих несовместимыми с грубостью их состояния, с удовольствиями, которые притупляют их чувства. Если бы такой проект мог быть успешным, то вместо того, чтобы сделать рабочего человеком, можно сделать его демоном. Пусть изучат эти физиономии, которые наполняют тюрьмы и каторги, и скажут мне, если большинство из них не принадлежат к тем субъектам, которые демонстрируют красоту, элегантность, богатство, благополучие, честь и науку, и все, что создает человеческое достоинство, что это слишком слабо в них, деморализовано, убито.

«По крайней мере, мы должны установить зарплаты, скажем, менее смелые, записать во всех отраслях тарифы, принятые хозяевами и рабочими».

Именно господин Фикс выдвигает эту гипотезу спасения. И он победоносно отвечает:

«Эти тарифы были сделаны в Англии и в других местах; мы знаем, чего они стоят: всюду их нарушали, как только принимали, и хозяева, и рабочие».

Причины нарушения тарифов легко понять: это машины, процессы и непрерывные комбинации промышленности. Тариф согласовывается в определенный момент времени: но внезапно появляется новое изобретение, которое дает его автору возможность снизить цену товара. Что будут делать другие предприниматели? они либо прекратят производство и уволят своих работников, либо предложат им сокращение. Это единственное, что они могут предпринять в ожидании, когда они, в свою очередь, обнаружат процесс, с помощью которого, не снижая ставки заработной платы, они смогут производить дешевле, чем их конкуренты, что будет эквивалентно подавлению рабочих.

Г-н Леон Фоше, похоже, склонен к системе компенсации. Он говорит:

«Мы понимаем, что в любом интересе государство, представляющее общее желание, заставляет промышленность принести жертву». — Государство всегда должно ею руководить, пока оно предоставляет каждому свободу производить, а также сохраняет и защищает эту свободу от любых посягательств. — «Но это крайняя мера, опыт, который всегда опасен, и который должен сопровождаться всеми возможными заботами о людях. Государство не имеет права отнимать у класса граждан работу, от которой они живут, до того, как иным образом обеспечит их существование, или до того, как будет уверено, что они найдут в новой отрасли использование их интеллекта и рук. В цивилизованных странах действует принцип, согласно которому правительство не может завладеть, даже в интересах общества, конкретной собственностью, если только владелец не был заинтересован в справедливой и предварительной компенсации. И работа кажется нам собственностью столь же законной, такой же священной, как поле или дом, и мы не принимаем того, что она может быть экспроприирована без какой-либо компенсации...».

«Насколько мы считаем химерическими доктрины, которые представляют правительство как универсального поставщика работы в обществе, настолько же нам кажется справедливым и необходимым, чтобы любое перемещение рабочей силы, производимое во имя общественной пользы, осуществлялось бы только посредством компенсации или перехода, и что ни отдельные лица, ни классы не приносятся в жертву государства. У власти в хорошо организованных странах всегда есть время и деньги для смягчения таких ограниченных бедствий. И именно потому, что развитие промышленности исходит не от власти, потому что она рождается и развивается от свободного и индивидуального побуждения граждан, потому что правительство обязано, когда оно нарушает свой курс, предложить им вид возмещения или компенсации».

Вот золотые слова: г-н Леон Фоше требует, что бы он ни говорил, организации труда. Сделать так, чтобы *любое перемещение рабочей силы происходило только посредством компенсации или перехода, и чтобы людей и классы никогда не приносили в жертву интересам государства*, то есть прогрессу промышленности и свободе предприятий, высшему закону государства, — это, без сомнений, установить, что будущее воплотится в *поставщика работы в обществе* и хранителя заработной платы. И, как мы уже неоднократно говорили, промышленный прогресс и, следовательно, работа по деклассификации и реклассификации в обществе являются непрерывными, это не особый переход, который

следует найти в случае внедрения какой-либо инновации, но на самом деле общий принцип, органический закон перехода, применимый ко всем возможным случаям и производящий эффект сам по себе. Способен ли г-н Леон Фоше сформулировать этот закон и примирить различные антагонизмы, которые мы описали? Нет, так как он предпочитает останавливаться на идее компенсации. *У власти, говорит он, в хорошо организованных странах всегда есть время и деньги, чтобы смягчать такие ограниченные бедствия.* Прошу прощения у щедрых намерений г-на Фоше, но они кажутся мне совершенно неосуществимыми.

У власти есть время и деньги только на то, что она изымает у налогоплательщиков. Компенсация пониженным налогом деклассированных промышленников означала бы остракизм новых изобретений и внедрение коммунизма с помощью штыков, а не решение проблемы. Нет больше смысла обсуждать государственную компенсацию. Компенсация, применяемая в соответствии с мнением г-на Фоше, либо приведет к промышленному деспотизму, к чему-то вроде правительства Мехмета-Али, либо выльется в налог на бедных, то есть в бесполезную пародию. Во благо человечества лучше не компенсировать, а позволить труду самому искать себе организацию.

Есть те, кто говорит: пусть правительство занимается перемещением деклассированных (уволенных) работников до тех пор, пока не будет создано частное производство и отдельные компании не смогут решить это (принять их на работу). У нас есть горы (работы) по восстановлению леса, пять или шесть миллионов гектаров земли для расчистки, каналы, которые нужно выкопать, тысяча вещей, которые, в конечном итоге, пригодятся для немедленного и общего использования.

«Мы просим у читателей прощения, — отвечает г-н Фикс, — но здесь мы обязаны привлекать капитал. Эти районы, за исключением некоторых общих земель, являются необитаемыми, поскольку не эксплуатируются, они не будут производить никакого чистого продукта и, скорее всего, не смогут дать урожай культур. Эти земли принадлежат владельцам, у которых есть или у которых нет капитала для их эксплуатации. В первом случае владелец был бы весьма вероятно доволен, если бы он эксплуатировал эти земли с минимальной прибылью, и он, возможно, отказался бы от того, что называется арендной платой за землю: но он обнаруживает, что если предпримет посев этих культур, то потеряет свой основной капитал, и другие его расчеты показывают ему, что продажа продуктов не покроет затраты на выращивание культуры. Учитывая все обстоятельства, эта земля, следовательно, останется под паром (неиспользуемой), потому что вложенный в нее капитал не принесет никакой прибыли и будет потерян. Если бы это было иначе, все эти земли были бы немедленно обработаны; сбережения, которые сейчас вкладывают в другом направлении, обязательно пойдут в определенной степени на эксплуатацию территорий; потому что у капиталов нет привязанностей, у них есть интересы, и они всегда ищут самое безопасное и прибыльное применение».

Это вполне обоснованное рассуждение означает, что для Франции еще не настало время эксплуатировать ее пустыри, так же как для кафров и для готтентотов не наступило время железных дорог. Потому что, как было сказано в главе II, общество начинается с самых простых, безопасных, самых необходимых и наименее дорогостоящих операций: только постепенно оно подходит к цели — использовать вещи, которые являются относительно

менее продуктивными. Поскольку человеческая раса мучается на своем земном шаре, у нее нет другого дела; она всегда возвращается к одной и той же заботе: обеспечить свое пропитание в походе к открытию. Таким образом, чтобы расчистка территории, о которой говорят, не стала губительной спекуляцией, причиной нищеты, другими словами, чтобы это было возможно, нужно еще больше увеличить наш капитал и наши машины, открыть новые процессы, лучше разделить труд. Однако просить правительство предпринять такую инициативу — все равно, что поступать как крестьяне, которые, увидев приближающуюся бурю, начинают молиться Богу и призывать своего святого. Правительства, будет не лишним повторить, являются представителями Божества, я почти сказал, исполнителями небесной мести: они ничего не могут сделать для нас. Может ли, например, английское правительство, дать работу несчастным, которые укрываются в рабочих домах? А когда оно узнает о них, осмелится ли? *Помоги себе сам, и небеса помогут тебе!* Этот акт народного недоверия к Богу также говорит нам, чего нам следует ожидать от власти... ничего.

Придя ко второму пункту нашего испытания, вместо того, чтобы предаться бесплодному созерцанию, давайте будем все более и более внимательными к учениям о судьбе. Залог нашей свободы находится в процессе нашей пытки.

Версия #1

Зверобой создал 14 марта 2025 02:55:25

Зверобой обновил 14 марта 2025 02:55:57